

Встречи
с М. БУЛГАКОВЫМ

ПРОЧНОЕ МЕСТО В ЛИТЕРАТУРЕ

обращают внимание лишь на тех писателей, кто у нас хоть чутько проштрафился? Мерзкая манера, вы не находите?»

Действительно, мерзкая.

Проза Булгакова издана, пьесы играют на многих сценах нашей страны, и, наконец, ничего в его жизни не скрыто и не подкрашено.

Отдавая дань уважения светлой памяти Булгакова, его большому и самобытному таланту, мы с высоты прожитых лет лучше понимаем изгибы его творческого пути. Мне кажется справедливым замечание К. Симонова о том, что «подобно тому, как нельзя по своей прихоти улучшать или ухудшать историю, не пристало и задним числом, даже в самых благих целях, выпрямлять мировоззрение сложного и противоречивого писателя, три десятилетия назад покинувшего этот мир, не пережив и не узнав всего того, чем до сих пор умудрил нас наш собственный жизненный опыт».

Произведения его изучаются, и по крупицам восстанавливаются факты его биографии. Книжки его заняли прочное место в нашей литературе. Он выдержал испытание временем — это главное.

Сергей ЕРМОЛИНСКИЙ.

Михаилу Афанасьевичу Булгакову не исполнилось еще и пятидесяти лет, когда жизнь его оборвала тяжелая и неизлечимая болезнь. Через несколько дней после смерти писателя А. А. Фадеев писал его жене, Елене Сергеевне, что все, связанное с его творчеством, «мы поднимем и сохраним, и люди будут знать его все лучше по сравнению с тем временем, когда он жил»... Люди, писал Фадеев, знают, что это был человек, «не обременявший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, путь его был искренен и органичен, а если в начале пути (а иногда и потом) не все видел так, как было на самом деле, то в этом не было ничего удивительного: хуже было бы, если бы он фальшивил».

Так уже в 40-м году А. А. Фадеев охарактеризовал самую суть писательской судьбы Булгакова.

Еще до революции окончивший Киевский университет («лекарь с отличием»), М. А. Булгаков прошел нелегкую школу земского врача на Смоленщине, а про-

фессиональным литератором стал, когда ему было около 30 лет. Тридцатилетним он появился в Москве и оказался «самым старым» среди веселых сотрудников газеты «Гудок» (Ю. Олеши, В. Катаева, Ильфа и Петрова, Льва Славина). Как и они, обрабатывал письма рабкоров, писал фельетоны, сотрудничал в журналах того времени. И после дневной беготни по редакциям писал роман «Белая гвардия». В нем запечатлелись еще неостывшие, жгучие воспоминания о Киеве времен гражданской войны. Там были и куски личной жизни, втянувшей его в бурный поток событий, превративших врача в литератора. Роман начали печатать в журнале «Россия», печатание не было закончено из-за закрытия журнала, тем не менее роман привлек внимание читателей и критики. Художественный театр заинтересовался романом и предложил автору сделать инсценировку. Так появились знаменитые «Дни Турбиных».

Общеизвестно, какой шумный успех имел этот спек-

такль. Он поражал редкой художественной цельностью. Все актеры играли хорошо, как будто каждый из них был специально рожден для той роли, которая была ему поручена. И буквально на следующий день после премьеры актеры Хмелев, Тарасова, Яншин, Соколова, Добронравов, Прудкин, Станицын стали едва ли не самыми популярными актерами в Москве. В их успехе была своя закономерность. Все роли (за исключением Скоропадского — В. Л. Ершов) исполняли молодые актеры, вышедшие из 2-й студии Художественного театра и лишь недавно принятыми в основной состав театра. Для них этот спектакль был, как когда-то «Чайка» для стариков. Тема «Интеллигенция и революция» оставалась остро современной и для актеров, и для немалого числа зрителей.

Вокруг спектакля разгорелись споры. По сути, это означало, что Художественный театр возвращается к лучшим своим традициям. Ведь он и прославился прежде

всего как театр, чутко улавливающий волнующие темы современности. Поэтому в его афише значились Чехов и Горький, Гауптман, Ибсен, Метерлинк... И страстное столкновение мнений в связи с пьесой Булгакова свидетельствовало не о неудаче, а, напротив, об успехе. Впоследствии это стало очевидным.

В «Днях Турбиных» Булгаков выступал, если позволительно такое сравнение, адвокатом и прокурором русской интеллигенции. Он всегда читал ее как одно из высших проявлений духовной силы русского народа и никогда не изменял этой вере. Он смотрел исторической правде в глаза, клеймил изменников и трусов, тех, кто поставил себя на службу антинародному делу, и судил их беспощадным судом.

А в «Беге» он показал бесслышный конец белого движения. Это был уже действительно балаган, как определил его Алексей Турбин в пьесе «Дни Турбиных», но не трагический, а жалкий, страшный, и он возникал в кошмарных сновидениях. Никакой

другой трактовки, казалось, бы, не могло прийти в голову, тем не менее пьеса подверглась нападкам. В ее защиту выступил Горький. Никакого «раскрашивания генералов» он в ней не усмотрел, напротив, увидел полнейшее их разоблачение, предвещая пьесе «анафемский» успех. Но спектакль не состоялся. И пьеса пролежала без движения до 1955 года. Ее впервые сыграли в Волгограде, а вслед за тем она появилась в репертуаре многих театров Москвы, Ленинграда и других городов. Был создан фильм «Бег», прошедший на экранах страны с огромным успехом.

Горький отметил Булгакова, назвав его имя в ряду с именами Федина, Леонова, Всеволода Иванова, Зощенко. В «Мастере и Маргарите» Булгаков превращал знакомую ему обывательницу в совершеннейшую фантасмагорию...

Булгаков имел свои понятия о гражданском долге писателя и неотступно следовал им. Между тем на него нападали и слева, и справа — и ортодоксы из РАППа, и левов-

цы. Он обратился с письмом в правительство. Ответ был получен не только благоприятный, но и мгновенный. Он был принят в его любимый театр — МХАТ режиссером-ассистентом и консультантом по литературной части. Помогал В. Я. Станицыну в постановке пьесы Н. А. Венкстерн «Пинквичский клуб» и даже сыграл в этом спектакле эпизодическую роль судьи. По заданию театра он написал инсценировку «Мертвых душ». Он жил жизнью театра и делал это с полной отдачей сил, очень профессионально. И не откладывал в сторону пера. Он написал «Мольера». Театр принял пьесу. Но...

Около шести лет тянулись в МХАТе репетиции этой его пьесы. В итоге Булгаков пошел на крайнюю меру: попросил дирекцию вернуть ему пьесу, так как театр все более начинает осуществлять не то, что он задумал. Как всегда, он защищал свой замысел до конца, и его поддержал К. С. Станиславский, распорядившись, чтобы Н. М. Горчаков (постановщик пьесы) следовал тексту автора.

Когда я вспоминаю тридцатые годы, последнее десятилетие жизни Булгакова, я не перестаю изумляться энергии его творчества. Он не поддавался никакой мелкой тщеславной суете, а в своем творчестве — никакой «моде». Он широко и раскованно работал над романом «Мастер и Маргарита». Писал его с увлечением. В этом романе мудрая зрелость мысли сочеталась с озорством подлинного вдохновения.

Житейские обстоятельства, однако, требовали заработка. Надо было сочинять киносценарии и даже либретто для опер и балетов. И он делал это.

В конце 30-х годов МХАТ начал репетировать его пьесу «Последние дни», а вахтанговцы — «Дон Кихот». Он не увидел их на сцене, обе они были показаны уже после его смерти.

Я вспоминаю, как Булгаков говорил Ильфу, вернувшемуся из поездки в Америку: «Послушайте, что там за гадости про меня пишут? Будто я арестован и замучен в ЧК? Эх, эх, вы заметили, они